

ЕВА МЭЙ

ПРОНИЦАНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ева Мэй
Проницание

«Автор»

2026

Мэй Е.

Проницание / Е. Мэй — «Автор», 2026

Ее жизнь была наполнена лишь фантомными болями прошлых отношений, когда жизнь дала понять: ее земные страдания являются лишь частью чьего-то плана, а правда о ее происхождении может оказаться страшнее, чем она могла себе представить. Кто она на самом деле в этом мире? Кто это существо для нее, почему он слишком яростно охраняют ее покой и ведет себя так, будто ждал ее возвращения столетиями?

© Мэй Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ева Мэй

Проницание

Глава 1

Посвящается всем женщинам,

считающим неудачи в любви проклятием,

и фамильярам, поддерживающих своих богинь.

Она снова заблокировала в мессенджере мужчину. Какого черта ей снова приходится это делать!

Случились очередные неудачные отношения. Первым ее порывом было желание погрузиться в депрессию и апатию, но оказалось, что весь негатив был прожит еще года два назад. Горько вздохнув от осознания этого факта, на ум пришло только признать чувство долгожданного освобождения. С детства она представляла свою влюбленность сначала в школьника, потом в парня, в более взрослом возрасте она представляла это чувство в отношении мужчины, однако, к тридцати годам ей так и не удалось познать радости любви. Будучи честным и преданным человеком, она отдавала всю себя в отношениях, но никогда не получала той же отдачи в ответ. В ответ на свои зарождающиеся чувства она получала в лучшем случае дружбу под видом любви, в худшем – манипуляции и обман. У нее не было школьных отношений, потому что она считала немногочисленных ухажеров недостаточно в нее влюбленными, в двадцать лет она исправила эту ошибку, выйдя замуж за человека, который обещал ей любить за двоих в совокупности с полной защитой. Но он оказался настоящим психопатом: домашнее насилие и отсутствие возможности общаться с людьми или просто выйти на улицу стали для нее обыденностью, а не страшными историями из телевизора. Второй попыткой был мужчина, смотрящий на нее настоящими влюбленными глазами – он бросил ее через два месяца без объяснения причин на пике ее влюбленности и счастья. Третьим был парень, молодой, веселый, красивый, спортивный и беззаботный. Как раз то, что она тогда искала. То, что должно было возместить ей непрожитое ощущение школьных влюбленных будней. Но шесть лет легких отношений так и остались легкими, без какого-либо роста, развития и планов. А что она ожидала в тридцать лет от инфантила?

«Какой богине мне молиться?!»

Она терзалась между выбором: попросить богов отомстить всем, кто заставил ее плакать, или благодарить их за то, что научили быть самостоятельной. Из стеснительной девчонки она превратилась в настоящего бойца: сама содержала себя, имела свою квартиру, не боялась смотреть в глаза людям и смело хамить в ответ на хамство. У нее было две личности: плакса и воин. Каждый раз они боролись за право лидерства на каждый конкретный день. Сегодня победили оба. Ей отчаянно хотелось жалеть себя, но до настоящей минуты слез не было, и, если внимательно рассмотреть ее боль под лупой, то, делая категоричный вывод, пора признать: любовной трагедии больше нет места в ее жизни. К тому же, если быть честной с самой собой, ей не

удалось действительно кого-то настолько сильно полюбить, чтобы рыдать и убиваться до изнеможения. Хотелось лишь жалеть себя за отсутствие возможности за тридцать лет услышать предложение выйти замуж.

Она быстро собралась и пошла до ближайшего магазина за чем-нибудь вкусным. За последние два года в стрессе, слезах и бесполезных ожиданиях она набрала пятнадцать лишних килограммов. Она давно себе не нравилась, вся одежда была ей либо полностью мала, либо обтягивала до невозможности туго все, что можно, и все, что нельзя. Одевшись в большую рубашку, закрывающую полностью ее бедра, и широкие темно-серые джинсы, она представила себя подростком в оверсайзе и осталась довольна настолько, насколько это было возможно. Вообще, ее можно было иногда принять за подростка: рост ее был очень низким, лицо ее все еще было по-азиатски детским, а взгляд наивным, несмотря на почти постоянно нахмуренные брови. Завершали образ два кулона от нечисти и широкое медное кольцо на большой палец, без которого она никуда не выходила, и, конечно, натянутый на пол-лица капюшон, чтобы добавить себе имитацию уединения.

Она жила в тихом зеленом районе города, практически на самом его краю: всего в пятнадцати километрах от ее дома начинались пригородные поселки и туристические базы. Погода сегодня удалась: было тихо, тепло и солнечно. Она любила любую погоду, каждая температура и количество осадков были для нее чудом природы. Но сегодня погода, видимо, синхронизировалась с ее настроением и позволила успокоить нервы в неспешной прогулке. Была весна: только только распустившиеся веточки кустарников и деревьев буквально сияли свежей зеленью, пропуская свет через молодые маленькие листочки, и воздух был густо наполнен ароматами масляных почек, влажной почвы и первых распустившихся цветов, которые, несмотря на ночные заморозки, смогли вырастить себе шикарные бутоны и радовали всех прохожих своей невероятной ароматной нежностью и красотой. Скоро эти цветы отцветут, и их одинокие стебельки погрязнут в заброшенных зарослях придомовых клумб. Повсюду летали бабочки, шмели и совсем еще детского размера другие насекомые вроде мух. Улицу и дворы наполняли музыка из открытых окон, многочисленные разговоры и стук от мяча со спортивной площадки.

В ближайшем продуктовом супермаркете она взяла все кислое и сладкое: апельсины, кислые соки, сывороточные напитки и лимонады. Королем ее корзины оказался литровый контейнер кислой ферментированной капусты с клюквой. Пожалуй, идеальнее сейчас ничего не придумаешь.

– Эй! Привет! Давно не виделись, я думала ты переехала!

Она обернулась. Рядом с ней стояла знакомая, живущая в паре домов отсюда. Не сказать, что хотелось кого-то видеть и с кем-то разговаривать, для чего и были одеты черные очки, но очки не сделали ее неузнаваемой.

– Привет, да, сама же знаешь, работа.

Это было враньем: она уволилась. С тех пор, как она начала сходить с ума из-за проблем в личной жизни, она начала понимать, что и офисная работа ее давно уже напрягает. Работа не была сложной, не было токсичного коллектива, но она уже давно выросла из однообразных задач, не приносящих ей никакой радости и пользы, да и денег там особо не прибавлялось. В один из дней она приняла решение уволиться, не имея альтернативы, написала заявление, работодатель пошел ей на уступки и позволил отработать лишь одну неделю вместо двух положенных. Так она быстро стала безработной и чуть более счастливой, чем была совсем несчастливой ранее.

– Я когда шла мимо твоего дома, то, глядя на твои окна, посчитала, что ты съехала.

«Приехали»

– Я их не мыла и пока не планирую, Соф.

Окна действительно были позорно пыльными и с засохшими каплями от дождя. А за пыльными стеклами прохожим зрителям был открыт вид на многочисленные горшечные рас-

тения, живые, но с желтыми поникшими листьями. Фикус Бенджамина вообще представлял из себя просто засохшее дерево, имеющее зеленые листья лишь у ожившего у корней пенька; он стоял на окне только лишь ради шанса на восстановление.

«Да и плевать! Это называется депрессия. Я могу себе позволить не ходить с тряпкой в руках в поисках лишней работы. Порядок ныне – не моя стихия. Я люблю бардак и засохших мошек на кухне. Я покупаю лук только для того, чтобы он сгнил, а посуду мою только по праздникам.»

У Софи был веселый нрав и доброе лицо; они были ровесницами, поэтому быстро подружились. Они не общались в переписках и не встречались специально для общения, но, пересекаясь периодически в различных местах, они обязательно обменивались парой фраз и интересовались делами друг друга.

Софи рассмеялась, запрокинув голову.

– Согласна, завидую тебе. Я иногда представляю, как посылаю еженедельную уборку матерными словами. У тебя же нет серьезных проблем? Просто очередная апатия, да?

– Да, не переживай, держу ситуацию под контролем. Я открыла для себя корейские сериалы, и поверь, я приведу себя и свое жилье в порядок сразу, как только досмотрю первые три из них.

Их разговор не превысил десяти минут, они одновременно оплатили свои покупки на кассах самообслуживания и разошлись по домам.

Открыв дверь своей квартиры, она сразу же увидела своего кота, ожидающего ее на своем посту – на сером замшевом пуфике, стоящем в прихожей. Он всегда ее ждал здесь. Вопреки всеобщему мнению о самодостаточности и равнодушии котов к своим хозяевам, ее кот всегда ждал ее и нуждался в постоянном внимании к себе, но еще больше давал своего внимания ей. Он появился у нее еще в своем младенчестве, когда ему была всего неделя, он только открыл свои маленькие глазки и совсем не умел ни пить, ни есть. Мама-кошка отказалась от него, и соседка, жившая на этаж выше, предложила его забрать, иначе выкинет его вовсе. Этот пищавший пепельный малыш породы американский бобтейл с первого же дня ползал по ней, цепляясь тончайшими острыми коготочками за ее одежду, спал только с ней, дыша ей в ладошку. Она назвала его Дымок. Постепенно он научился пить, ходить, потом – играть и прыгать. Он был ее пушистым ребенком, ее счастьем и любовью, ведь появился он в самый тяжелый для нее год – год перед разводом с мужем. В тот год она была каждый день избита, унижена отвратительными словами, была обманутой и обкраденной. Сейчас ему уже девять лет, он – состоятельный и уверенный в себе кот, который ни на минуту не оставляет ее одну. В ночь, когда ей бывает особенно плохо, он лежит буквально на ее голове, защищая ее покой и мурлыча у лица, не позволяя себе спать. Так же чутко чувствовать ее эмоции и душевное состояние не смог ни один мужчина в ее жизни.

«Точнее, они не хотели – они не были ее мужчинами; они (и я) просто случайно оказались в одном поле пространства и ошибочно решили, что нам по пути. К сожалению.»

Закрыв входную дверь на все замки, она, вскипятив чайник, сделала себе чай, налила отдельно лимонад, в другой стакан налила сразу сок, в большую керамическую миску положила достаточно капусты, чтобы осталось лишнее, унесла все это себе на тумбу у кровати, сняла свои тяжеленные штаны, поменяла рубашку на домашнюю тонкую хлопковую мужского размера футболку с надписью «Hellfire Club» и изображением дьяволоподобной головы, прыгнула под одеяло и включила телевизор.

* * *

«Я сплю. В этом нет сомнений.»

Она снова в этом проклятом доме. Снова замужем. Снова нет выхода.

Она смотрела на обшарпанные стены комнаты, кровать, на которой она лежала, с нестиранным постельным бельем, грязные окна с непроглядным видом за ними, слышала разговоры

за дверью – все было как обычно, немного менялся интерьер, сюжет, иногда даже некоторые действующие лица, но, в целом, суть оставалась прежней: она снова, *сука*, замужем. Стабильно каждую неделю она сюда возвращалась.

Она поняла, что снова лежит в одной кровати с мужем. Повернув голову в бок, она увидела его толстое лицо.

«Боже, за что?»

Он что-то снова говорил, она снова не слушала. Это место всегда темное. Оно будто выросло из шахты. Темница, полная грязи, угля, копоти, зла и одновременно абсурда. Ей казалось, что она даже слышит стук лопат и раскалывающихся угольных камней, но почему?

«Почему я никогда отсюда не уйду? Что это? Карма, мистика, магия, сонный паралич, дурная голова, психоз?»

Она снова посмотрела на чудовище, лежащее рядом. Он растолстел почти сразу, как они поженились. Позже он привел себя в форму, но вскоре опять намеренно растолстел, поедая ночью тайком майонез на хлебе, чтобы казаться крупнее и, по его мнению, мощнее. Она же видела его просто толстым нарциссом, который недостойно выглядел, недостойно себя вел, недостойно мыслил и жил. Она долгое время была в нем уверена, однако и внутренние его качества оказались отвратительными: он был абсолютно и полностью лживым человеком. На год развода ничего человеческого в нем не осталось вовсе: он растерял все свои адекватные и хотя бы какие-то нормальные качества без остатка. Его лицо не отставало, по закону логики оно приняло новые для себя черты, отражающие все внутреннее безобразие: губы стали больше и приобрели неприятный изгиб, на носу увеличилась в размере точка, став бородавкой, глаза перестали транслировать ложь под маскировкой добра, сделав взгляд отражением внутренней могильно-холодной сущности, волосы и вовсе выпали, подарив лицу общую оценку «отказать». К тому же, он постоянно стал потеть, неопрятно одевался, не работал, воровал у нее все, что находил. Когда он не находил деньги, то воровал одежду. Кому он ее относил – загадка. Почему она не ушла сразу? Вероятно, из-за стыда перед родителями. Она всем рассказывала, что у нее все хорошо, что ее выбор был правильным. На самом же деле она по молодости просто поверила профессиональному разводиле, который ничего из себя не представлял. Теперь же он представляет из себя полноценного члена общества, у которого есть жена, имущество и видимость благополучия.

Как же он ее злит! Лежит, сотрясает воздух, раздражает своим существованием. Почему он появился в ее жизни? Какой урок она с ним проходила? Любой урок можно пройти гораздо более простым и легким путем, нежели пришлось пройти ей.

Он повернулся к ней, и она поняла, что сейчас он снова будет приставать. Он навалился на нее своим тяжелым телом и ей стало больно дышать. Ей редко удавалось уйти быстро, покинуть подобный сон всегда было проблемой, несмотря на полное понимание и осознание того, что это – сон. Она ощутила липкие губы и тяжелое дыхание на своем лице и мерзкое чувство отторжения ситуации накрыло ее. Его руки трогали ее тело быстро и с давлением, а она могла только чувствовать это и ждать окончания. Он пыхтел и ерзал, совершая действия, похожие на поцелуи, а она злилась. Его старая вонючая одежда, старое одеяло под ними, развалюха-кровать и старый дощатый пол – крашеный, *сука*, – раздражало все! Интерьерчик и в этот раз не подкачал. Однажды ей снилось, как они ходили по помойкам, он шарился в мусорных баках, а она, как полагается верной жене, стояла рядом с молчаливой поддержкой. Еще как-то был обшарпанный подъезд, черный от грязи, была квартира с дверью из картона, которая не закрывалась, потому что была вся изогнута от сырости, была квартира с блохами, из которой она бежала через окно второго этажа; сейчас же это просто какая-то убогая пустая комнатенка с висящими электрическими проводами, со свисающими с потолка черными шмотами старой паутины, но зато без клопов и мешающего ходить мусора. Можно сказать, эта комната пригодна для жилья. Она лежала и всматривалась в темноту вокруг нее. В этом месте почти все-

гда темно. Здесь могла быть поэтическая аналогия с темницей, но иногда это место освещено, несмотря на неизменную суть происходящего здесь события. Здесь он – всегда ее муж, а она всегда продолжает тут жить. Иногда он приходит что-то говорить, иногда просто лежит на кровати, иногда пристает. В жизни он всегда был жесток, избивал ее с ненавистью, оставлял на ней огромные черные синяки, швырял ее об стены, швырял в нее предметами – здесь же он всегда вел себя как просто ходящий силуэт с теми же чертами лица и тем же телосложением, а буйствовала она, никогда не имея терпения находиться с ним в одном помещении снова и снова. Она использовала его как грушу для битья, а помещение – как комнату злости. Здесь она била посуду, окна, двери, рвала подушки и пинала ненавистного ей человека, давно переставшего им быть.

И сейчас, вновь ощутив резкое осознание того, что он, толстый и противный, до сих пор так часто рядом с ней, вызвал в ней очередной шквал гнева.

«СУКА!!!»

«СУКА!!!»

«СУКА!!!»

Она скинула его с себя и схватила что-то со стула, стоящего рядом с ее стороной кровати. Она била его чем-то тяжелым по голове и испытывала полнейшее удовлетворение. Он смотрел на нее непонимающее и обиженно.

«КОЗЕЛ»

Она замахивалась тяжестью в своих руках все сильнее и сильнее, вкладывая все больше ярости в свои удары. Она впечатывала предмет в его лицо все с большей силой и ненавистью. Она не понимала и не видела, приносят ли ее удары хоть какой-то результат, но остановиться не могла. Ее движения стали автоматическими от злости, но он смотрел на нее все с тем же тупым непонимающим выражением лица, живой и невредимый, как подушка с напечатанным портретом. Она не слышала своего крика, но знала, что он есть: этот рев, если измерить его мощь, как ей казалось, мог уничтожить квартал. Она била его, пока не проснулась. А когда проснулась, снова злилась, не понимая, почему она не может даже в бессознательном не быть его женой.

«Какая сила нас поженила?»

* * *

На часах было девять часов вечера. Она поспала примерно четыре часа, как обычно и бывает, когда она спит днем. Часто вид человека, поспавшего днем некоторое количество часов, можно сравнить разве что с залежалой шапкой из искусственного меха, которую вытащили со дна коробки, в которой год под давлением друг друга лежали и томились вещи на выброс. Именно так она сейчас и выглядела и именно так она себя чувствовала.

Ее приветствовали зеленые глаза на соседней подушке: острые когти уже мjali ее мягкие плечи, разминая перед подъемом.

«Посмотрите на меня. Я – бабка.»

Ее давно нетренированные мышцы иногда были слишком мягкие и бесформенные, иногда были, наоборот, слишком деревянными, сейчас они напоминали ей засохший зефир – тронь их, чтобы они посыпались трухой на простыню. Разбитое состояние не позволяло ей получать удовольствие от бытовых действий, поэтому она просто лежала, смотря в телефон. Листать рилсы – это всё, что ей нравилось.

Любой, кто побывал бы в ее квартире, и, в особенности, ее спальне, удивился бы тому, что она может быть подвержена сильной затяжной депрессии, потому что пространство ее квартиры напоминало древнюю загадочную сказку, основой которой был уютный лес, ее жителями были древние духи, а сама она здесь была царицей. С детства ее любимыми цветами были темные: темно-зеленый, темно-коричневый, черный. Она любила темное дерево, темные стены, темные оконные рамы, зеленое сатиновое постельное белье, свечи в канделябрах, тяготела к

теплому свету и тяжелым шторам, которые наглухо перекрывали любой солнечный свет по ту сторону окна. Каждый раз мрак, наступавший при запахивании штор, дарил ей чувство уединенности и защиты. Для нее любая темнота означала уют, она позволяла ей огородиться от внешнего мира, ненужных шумов, цветов и погрузиться в собственное тепло. Темные сны, возвращающие ее в прошлое, были лишены этого комфорта, но темнота для нее – это материя, из которой состоит вся существующая жизнь во всех ее проявлениях. Поэтому темнота в жизни ее успокаивала, темнота во снах же помогала ее концентрации. Она слушала Мэрлина Мэнсона в перемешку с миксами тяжелого электронного фолка, чтобы поймать нужное настроение, а горящие свечи дополняли глубокую тоску этого места. Раньше из комнатных растений у нее был только кактус, но в последний год она развела дома настоящие джунгли – стресс был для нее так велик, что утешение она нашла лишь в разведении цветов. Как помешанная, она сутки напролет изучала их виды и сорта, смотрела видеоподборки о почвенных разрыхлителях и работающих подкормках. Сейчас ее сад остановился в своем развитии: солнечного света стало недостаточно даже для тенелюбивых монстер и замиокулькасов. Сама хозяйка все чаще просто лежала в постели и либо ела, либо спала. Но жизненная пауза, как и любое восстановление, не может длиться вечно, поэтому время замерло, но не остановилось – все здесь это знают.

Она решила принять ванну. Поставила вокруг чайные свечи в керамических подставках, стеклянный граненый бокал, доверху наполненный апельсиновым соком, положила два больших махровых полотенца недалеко от изголовья ванны, и, чтобы расслабиться и очиститься от терзающих ее мыслей, она насыпала побольше каменной соли в бурлящую горячую воду. Дымок уже занял королевскую позицию на вершине стопки полотенец. Включив музыку на среднюю громкость, она, наконец, погрузилась в воду по плечи.

Положив локти на края ванны, чтобы иметь источник холода в своем теле, ей удалось расслабиться. Пять минут расслабления, к сожалению, расслабили ее глаза, и из них по обоим щекам медленно потекли слезы. Они стекли по мокрой шее в воду, и следом потекла следующая пара. С закрытыми глазами она пролежала около десяти минут, а затем, дотянувшись до закрытого шкафа, расположенного почти вплоты к ванне, достала книгу, которую только вчера начала читать. Это был исторический любовный (конечно же) роман, которыми она зачитывалась уже лет восемь, черпая из них эмоции, так ей необходимые. Сюжет в романе развивался не быстро: только на второй день чтения она дошла до момента, как главная героиня на каком-то торжественном мероприятии встретила взглядом с неизвестным ей мужчиной. Он смотрел на молодую героиню издали нечитаемым, но непрерывным взглядом и курил сигарету. Логично, что именно с этим героем у героини все сложится: высокий, красивый, серьезный, состоявшийся, не говорящий попусту мужчина, но, главное, – он делает один-единственный выбор в пользу главной героини и никогда своему выбору не изменяет.

Она сделала паузу в чтении. Ее сердце колотилось от переизбытка эмоций, и хорошо, что она в данный момент находится в воде, потому что ее тело вспотело. Вода заметно остыла, поэтому она добавила кипятка, чтобы снова ощутить пар. Она хотела любить, она хотела так же встретиться взглядом с тем, кто влюбится в нее с первого взгляда. Она хотела так же танцевать с мужчиной, который держит ее, маленькую, своими сильными руками и не дает никому ее обидеть. Она снова закрыла глаза, пытаясь представить это с собой. Представляя теплые мужские руки на своих плечах, талии и теплое дыхание на своих шее и щеках, она испытывала трепет и возбуждение. Глаза снова сами собой наполнились слезами. Именно в этот момент она почувствовала сквозь шум музыки странное движение недалеко от себя. Медленно открыв глаза, она повернула голову в сторону большой комнаты и почти равнодушно посмотрела через дверной проход в темноту. Да, она верила в потусторонние силы и не верила в живого человека, способного обойти ночную задвижку на входной металлической двери. Она была готова поклясться, что виделадвигающуюся тень в стороне кухни. Дымок смотрел туда же, значит, не показалось. Тень не была силуэтом. Скорее, это была просто тень, однако ей было неоткуда

взяться. Медленно встав на ноги, она перешагнула край чугунной ванны, набросила на тело полотенце и прислонилась к холодной стене.

Горячие капли воды на коже боролись с холодным воздухом запечатанной в плитку комнаты, и, наверное, поэтому сейчас ее тело бросало то в жар, то в холод. При всем этом, внешне она была спокойна. Сердце билось быстрее обычного, разум был быстр – сама она двигалась очень и очень медленно. Включив свет, ей стало понятно, что в квартире никого постороннего нет. Живого. Она остро ощущала присутствие чего-то странного, не имеющего температуры и запаха, но имеющего *энергию*. Это как ощутить пролетающий мимо воланчик – почти невесомый, незаметный, но уловимый из-за его движения. Она трижды обошла квартиру, на всякий случай заглянув в шкафы и под мебель – никого. Но, почувствовав позади (где-то на уровне шеи) дыхание, она резко обернулась, поскользнулась, и, после длительного ощущения полета в невесомости, ее мозг отключился.

За мгновение ее привычный мир перестал существовать. В этой черноте не было ни понимания времени, ни привычной наполненности воздуха, ничего. Ее череп почти беззвучно треснул под мелодию из музыкальной колонки, а она этого даже не знала.

В кромешной темноте некуда смотреть. Здесь нет источника света, нет ориентиров в виде звуков, запахов, поверхностей. Глухая чернота и ничего более.

Неизвестно, сколько длилось ее осознание происходящего, но вдруг из этого небытия к ней приблизилось чье-то лицо. Оставаясь в тени, оно долго смотрело на нее, как вдруг, сверкнув глазами, низкий голос его владельца спокойно, властно и, кажется, *улыбаясь (?)* проговорил:

– Лили, ты, наконец, дома. Соскучилась, малышка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.